

ЭДВАРД
РАДЗИНСКИЙ

ИПАТЬЕВСКАЯ
НОЧЬ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ АИФ

Эдвард Радзинский

Ипатьевская ночь

«Издательство АСТ»

2005

Радзинский Э. С.

Ипатьевская ночь / Э. С. Радзинский — «Издательство АСТ»,
2005

ISBN 5-94663-255-8

Уникальное художественно-историческое исследование ночи убийства царской семьи. Досконально прослежены судьбы участников трагедии: родственников царя, его свиты, тех, кто отдал приказ об убийстве, и непосредственных исполнителей.

ISBN 5-94663-255-8

© Радзинский Э. С., 2005
© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Последний дом	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эдвард Радзинский

Ипатьевская ночь

Последний дом

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.
Иоанн. 12:24

Над городом на самом высоком холме возвышалась (возносились) Вознесенская церковь. Рядом с церковью несколько домов образовали Вознесенскую площадь.

Один из них стоял прямо против церкви: приземистый, белый, с толстыми стенами и каменной резьбой по всему фасаду. Лицом – приземистым фасадом – дом был обращен к проспекту и храму, а толстым боком спускался по косогору вдоль глухого Вознесенского переулка. И здесь окна первого, полуподвального этажа с трудом выглядывали из-под земли.

Одно из этих полуподвальных окон было между двумя деревьями. Это и было окно *той* самой комнаты...

Но, подъезжая к дому, они ничего этого не увидели. Дом был почти до крыши закрыт очень высоким забором. Чуть-чуть выглядывала лишь верхняя часть окон второго этажа. Вокруг дома стояла охрана.

Прежнему хозяину дома, инженеру Ипатьеву, не повезло. Один из влиятельнейших членов Совета, Петр Войков, был сыном горного инженера, хорошо знал Ипатьева и не раз бывал в этом доме с толстыми стенами, очень удобно расположенном (удобно, чтобы охранять).

Вот почему в самом конце апреля несчастного инженера пригласили в Совдеп и приказали в 24 часа освободить особняк. Впрочем, особняк обещали «вскоре вернуть» (инженер Ипатьев тогда не понял, как страшно звучала эта фраза). Всю мебель велели оставить на своих местах, а вещи снести в кладовую.

Цементная кладовая находилась на первом этаже, как раз рядом с той полуподвальной комнатой – комнатой убийства. Оба мотора проехали вдоль забора к тесовым воротам.

Они раскрылись – и моторы впустили внутрь. Более никогда ни Николай, ни Аликс, ни их дочь не выйдут за эти ворота.

По мощеному двору их провели в дом. В прихожей – деревянная резная лестница поднималась на второй этаж.

Стоя у лестницы, Белобородов объявил: «По постановлению ВЦИК бывший царь Николай Романов и его семья переходят в ведение Уралсовета и будут впредь находиться в Екатеринбурге на положении арестованных. Вплоть до суда. Комендантом дома назначается товарищ Авдеев, все просьбы и жалобы через коменданта – в Уралисполком».

После чего оба уральских вождя – Голощекин и Белобородов – отбыли на моторах, а Семье было предложено в сопровождении коменданта и Дидковского осмотреть их новое жилье.

Из дневника Николая: «Мало-помалу подъехали наши, и также вещи, но Валю не впустили...»

Да, вещи приехали. С ними Боткин и «люди». Но не приехал Долгоруков. Бедного Валю увезли прямо с вокзала. Куда-то...

Впоследствии распространился слух, что у князя Долгорукова нашли целых два (!) пистолета и много тысяч денег. Об этом сообщили в Тобольске вернувшиеся стрелки «старой охраны». Зачем Долгорукову были пистолеты? Но так или иначе, Николай больше не увидит Валу – князь исчез навсегда.

Впрочем, его след можно найти в показаниях князя Георгия Львова, данных в Париже следователю Соколову.

Опять насмешка истории: князь Львов – премьер Временного правительства, свергнувшего и арестовавшего последнего царя... сам был арестован большевиками после Октябрьского переворота! Более того, в 1918 году князь Львов сидел в тюрьме в том же городе Екатеринбурге и весьма недалеко от дома, который был тюрьмой для арестованного им год назад царя. И бывший премьер описывает встречу с сидевшим в той же тюрьме своим петербургским знакомцем, князем Долгоруковым. В тюрьме верный Валя все сокрушался о царских деньгах, отнятых у него «комиссарами». Впрочем, сокрушался он недолго, ибо вскоре был «отправлен в Москву». А на самом деле...

Из рассказа М. Медведева, сына чекиста – участника расстрела Царской Семьи: «Долгорукова расстрелял молодой чекист Григорий Никулин. Никулин сам говорил. Я уж не помню все подробности, помню, что он вывез Долгорукова с чемоданами в поле... и все проклял, когда после тащил эти чемоданы».

Так погиб этот очарователь, галантный кавалер на блестящих балах в Зимнем дворце...

Из дневника Николая: «Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре комнаты: спальня угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города, и, наконец, просторная зала с арками вместо дверей.

Разместились следующим образом: Аликс, Мария и я втроем в спальне. Уборная общая. В столовой Демидова, в зале Боткин, Чемодуров и Седнев. Чтобы идти в ванную и ватерклозет, нужно проходить мимо часового. Вокруг дома построен очень высокий дощатый забор в двух саженях от окон: там стояла цепь часовых и в садике тоже».

Здесь развернется последнее действие драмы. Финал династии.

Декорация финала

Царь с царицей будут жить в угловой просторной комнате с четырьмя окнами. Два окна выходят на Вознесенский проспект. Только крест над колокольной виден из окон. Два других окна выходят в глухой Вознесенский переулок. Комната очень светлая, с палевыми обоями, с волнообразным фризом из блеклых цветов.

На полу ковер, стол с зеленым сукном, бронзовая лампа с самодельным абажуром, ломберный столик, между окон этажерка, куда она поставит свои книги. Две кровати (на одной из них будет спать Алексей, когда его привезут из Тобольска) и кушетка.

Ее туалетный столик с зеркалом и двумя электрическими лампами по бокам. На столе – баночка с кольдекремом и надписью «Придворная Его Величества аптека». Странно сейчас звучала эта надпись.

Умывальник с треснутой мраморной доской, платяной шкаф, где теперь помещалась вся одежда царя и царицы...

В Вознесенский переулок выходили окна еще одной большой пустой комнаты, там стояли стол, стулья и огромное трюмо. В этой комнате будут жить четыре великих княжны. Они приедут в мае. И, пока не привезут их походные кровати, будут спать на матрасах прямо на полу.

Обе эти комнаты как раз находились прямо над той полуподвальной комнатой.

Рядом с комнатой великих княжон в столовой с видом на сад спала Анна Демидова. В большой зале (гостиной) – Боткин, Чемодуров и Седнев.

Еще одна, пока запечатанная комната предназначалась для Алексея.

Наискосок от великих княжон – комната коменданта, с финиковыми обоями в золотой багетной раме и головой убитого оленя. И еще одна – рядом с комендантской – отведена под караул.

Завершала декорацию уборная («ватерклозет» – как именовал ее царь). Фаянсовое судно, оставшееся от инженера Ипатьева, будет загажено комендантом и караульными. И среди бесстыдных рисунков на стенах уборной, изображавших царицу и Распутина, среди матерных изречений охраны и размышлений типа: «Писал и сам не знаю зачем, а вы, незнакомые, читайте» – надпись на бумаге, приколотая к стене: «Убедительно просят оставлять стул таким же чистым, как его занимали». Это совместное творчество бывшего царя и его лейб-медика Боткина.

Войдя в комнату, Аликс подошла к правому окну, на косяке начертила карандашом свой любимый знак – «свастику» и число прибытия: 17(30).

Другую «свастику», как заклинание, она начертила прямо на обоях над кроватью, где должен был спать Бэби.

17(30) апреля – так, сама того не зная, она обозначила начало последней Игры с последним царем.

Игра началась сразу.

Последняя игра

(Уральский дневник арестанта)

Прибывшие вещи вынесли в коридор и в присутствии бывшего воспитанника Кадетского корпуса, а ныне члена Уралисполкома Дидковского и бывшего слесаря, а ныне коменданта Авдеева начался осмотр.

Открывали чемоданы, тщательно просматривали. Осмотрели ручной саквояж Аликс. Забрали фотоаппарат (это запомним!), который она привезла еще из Царского, и еще забрали, как напишет комендант Авдеев в своих «Воспоминаниях», – «подробный план города Екатеринбурга». Как он мог очутиться в ее саквояже, если они предполагали, что едут в Москву? Впрочем, даже если и не мог – то должен был там очутиться. Как два пистолета, которые «нашлись» у князя Долгорукова.

Открыли даже флаконы с лекарствами – перерыли всю ее походную аптечку.

Из дневника: «17(30) апреля. Осмотр вещей был подобен таможенному: такой строгий, вплоть до последнего пузырька аптечки Аликс. Это меня взорвало и я резко высказал свое мнение комиссару...»

Аликс не понимает причины этого обыска. Она нервничает, возмущается: «Истефательство!» Ее акцент вызывает улыбки обыскивающих: смешон бессильный гнев бывшей императрицы. А она продолжает гневный монолог, она вспоминает даже «хосподина Керенского». Она приводит в пример этого революционера, который, тем не менее, был джентльмен. Слово «джентльмен» очень веселит бывшего слесаря Авдеева... И, наконец, не выдержал Николай. Он заявил: «До сих пор мы имели дело с порядочными людьми!» Это было высшее проявление гнева воспитаннейшего из монархов.

Зачем проводили этот обыск?

Чтобы продемонстрировать им условия новой жизни в столице Красного Урала? Но лишь отчасти.

Искали драгоценности. Те легендарные царские драгоценности... «Шпион» не дремал, ему, видно, стало известно в Тобольске, что Аликс употребляла слово «лекарство», когда говорила в присутствии чужих о драгоценностях (так она будет называть их и в письмах к дочерям из Екатеринбурга). Вот почему они так тщетно и тщательно осматривали флаконы с *лекарствами*. Но ничего не нашли...

Теперь стало ясно: драгоценности остались в Тобольске.

Но была третья причина жестокого досмотра. И тоже – из главных. Со дня прибытия Семьи в Екатеринбург начинают собирать улики «монархического заговора». Потому и забрали фотоаппарат – улика. Потому будто бы обнаружилась у нее карта Екатеринбурга – еще улика. Плюс слух о двух пистолетах, отобранных у несчастного Вали, – уже цепь улик.

С екатеринбургского вокзала началась последняя Игра с царем: мы назовем ее – «Игра в монархический заговор».

Заговор – на основании которого они должны быть расстреляны!

«Справедливая кара» была решена с самого начала...

Из дневника: «21 апреля... Все утро писал письма дочерям от Аликс и Марии. И рисовал план этого дома».

Он хочет, чтобы в Тобольске представляли будущее жилище. Он подготавливает их к встрече с этим тесным домом. Но: «24 апреля... Авдеев – комендант вынул план дома, сделанный мною для детей третьего дня на письме, и взял его себе, сказав, что этого нельзя посылать».

В своих «Воспоминаниях» Авдеев совсем иначе опишет этот случай: «Однажды при просмотре писем мною было обращено внимание на одно письмо, адресованное Николаю Николаевичу (! – Э.Р.). При просмотре в подкладке конверта был обнаружен листок тонкой бумаги, на которой был нанесен план дома». И далее Авдеев описывает, как он вызывает в комендантскую Николая и как тот лжет, запирается, просит прощения у коменданта... Это не просто вымысел. План дома, якобы запрятанный под подкладку конверта, – еще одно «неопровержимое доказательство». Как и «испуганный и разоблаченный Николай»... Шьют дело! И ждут.

Пока приедут дети из Тобольска. И с ними приедут драгоценности.

«Дышал воздухом в открытую форточку»

«17 апреля... Караул помещался в двух комнатах около столовой, чтобы идти в ванную и в ватерклозет, нужно было проходить мимо часового и караульного у дверей».

Но уже 20 апреля караул переведен в нижнее помещение, где была «та самая комната». И они, еще столь недавно владевшие великолепнейшими дворцами, счастливы этому новому удобству и открывшемуся простору. О радость – перестало страдать их «чувство стыдливости». «Не придется проходить перед стрелками в ватерклозет и в ванную, больше не будет вонять махоркой в столовой».

В первый день их пребывания в Ипатьевском доме по постановлению Уралсовета было «отменено фальшивое титулование». Авдеев внимательно следил, чтобы прислуга не обращалась к Николаю «Ваше Величество». Теперь его следовало называть Николай Александрович Романов.

«18 апреля. По случаю первого мая слышали музыку какого-то шествия. В садик сегодня выйти не позволили. Хотелось вымыться в отличной ванне, но водопровод не действовал. Это скучно, так как чувство чистоплотности у меня страдало. Погода стояла чудная, солнце светило ярко, дышал воздухом в открытую форточку».

Еще недавно, год назад, в Царском Селе бывший арестованный император написал в этот день яростные слова: «18 апреля 1917 года. За границей сегодня 1 мая, поэтому наши

болваны решили отпраздновать этот день шествиями по улицам с хорами, музыкой и красными флагами...»

Быки («тельцы») не любят красный цвет.

Теперь он уже научился не раздражаться, понял: «дышать воздухом в открытую форточку» – уже счастье. И «вымыться в отличной ванне» может быть несбыточной мечтой.

Но постепенно наладилось. Начали выпускать на прогулку. На целых два часа. Он все еще верил, что Долгоруков вернется, и все беспокоился о своем верном друге:

«20 апреля. По неясным намекам нас окружающих можно понять, что бедный Валя не на свободе, и что над ним будет произведено следствие, после которого он будет освобожден! И никакой возможности войти с ним в какое-либо сношение, как Боткин не старался».

Их быт в это время описал некто Воробьев, редактор «Уральского рабочего», описал, естественно, сохраняя классовый взгляд революционера:

«Кроме коменданта, первое время в Ипатьевском особняке несли дежурство по очереди члены областного исполкома. В числе других довелось нести такое дежурство и мне... Арестованные только что встали и встретили нас, как говорится, неумытыми. Николай посмотрел на меня тупым взглядом, молча кивнул... Мария Николаевна, напротив, с любопытством взглянула на меня, хотела что-то спросить, но, видимо, смутившись своего утреннего туалета, смешалась и отвернулась к окну.

Александра Федоровна, злобная, вечно страдавшая мигренью и несварением желудка, не удостоила меня взглядом. Она полулежала на кушетке с завязанной компрессом головой.

Целый день я провел в комендантской, на мне лежала проверка караула. Во время прогулки (арестованным разрешали первое время гулять два раза в день) Николай мерил солдатскими шагами дорожку.

Александра Федоровна гулять отказалась...»

В конце дежурства бывший царь попросил Воробьева подписать его на газету «Уральский рабочий». «Он уже вторую неделю не получал газет – и очень страдал». Воробьев обещал подписать и просил царя прислать деньги.

В «Уральском рабочем» и будет напечатано первое объявление о его расстреле.

«1 мая. Вторник. Были обрадованы получением писем из Тобольска. Я получил от Татьяны. Читали их друг другу все утро... Сегодня нам передали через Боткина, что в день гулять разрешается только час. На вопрос: „Почему?...“ „Чтобы было похоже на тюремный режим...“

2 мая. Применение «тюремного режима» продолжалось и выразилось в том, что утром старый маляр закрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, который смотрится в окна...

5 мая. Свет в комнатах тусклый. И скука невероятная...»

Так он писал накануне своего пятидесятилетия.

Караулы

Внутри дома – на лестнице – с револьверами и бомбами несут охрану «латыши» из ЧК и молодые рабочие, которых Авдеев отобрал на родном Злоказовском заводе. «Латышами» называют австро-венгерских пленных, примкнувших к русской революции, и латышских стрелков. «Латыши» молчаливы, да когда и говорят между собой, рабочие не понимают их речи.

Эта внутренняя охрана живет в доме в комнатах первого этажа. Рядом с *той* комнатой. Часть охраны живет напротив, в «доме Попова» (по имени прежнего владельца).

Внешнюю охрану – караулы вокруг дома – несут злоказовские рабочие.

При доме – автомобиль. Водителем Авдеев назначил мужа своей сестры – Сергея Люханова. Их старшего сына тоже взял в охрану. Завидная это должность – охранять царя, и деньги платят, и кормят, и сам живой: не то что умирать на гражданской войне...

Сам Авдеев в доме не живет, уходит по вечерам к себе на квартиру. И в доме остается его помощник – тоже злоказовский рабочий, Мошкин.

Мошкин – веселый пьяница. Как только комендант за порог, Мошкин начинает блаженствовать. Из караульной комнаты звучит перенесенный туда рояль, песни под гармошку. Веселье идет полночи, гуляют стрелки...

А утром вновь в 9 утра появляется Авдеев. Нравится Авдееву его должность. Ни на мгновение не забывает бывший слесарь, кем он теперь распоряжается. Это его звездный час... Когда ему передают просьбы Семьи, отвечает: «А ну их к черту!» – и победоносно смотрит, каково впечатление стрелков. Возвращаясь из комнат Семьи, обстоятельно перечисляет в комендантской, о чем его там просили и в чем он отказал.

Комендант Авдеев, охранник Украинцев, некий «лупоглазый» – вот новые имена в царском дневнике. Они сменили – графа Витте, Столыпина, европейских монархов...

«22 апреля. Вечером долго беседовал с Украинцевым и Боткиным». А прежде он беседовал... с кем он только не беседовал!

«Вместо Украинцева сидел мой враг „лупоглазый“ (а прежде у него был враг – император Вильгельм). И здесь остановимся.

Уже заканчивая читать его предпоследнюю, 50-ю тетрадь дневника, можем подвести итоги: все, что истинно трогало, подлинно волновало его, все его внутренние бури только проскальзывают в отдельных фразах... Нет-нет, он умел прекрасно писать. Достаточно вспомнить его письма к матери или «Манифест об отречении...»

Просто таков стиль его дневника. И нам нужно научиться ощущать нашего героя сквозь кратко-равнодушные дневниковые строки.

Он был скрытен и молчалив... Он записывает разговоры с Авдеевым и Украинцевым про замазанные окна и столь же кратко, мимоходом, упоминает:

«Утром и вечером, как все дни здесь, читал соответствующие (места) Святого Евангелия вслух».

А это и есть главное.

«И в ту весну Христос не воскресал»

Их насильственный приезд в Екатеринбург совпал с днями Страстной Недели.

Приближалась Пасха 1918 года. Затопило кровью страну... «Россия, кровью умытая...»

В эти великие дни Страстей Господних, когда приближался час Его Распятия, вошли они в Ипатьевский дом. Для мистического героя нашего появление в Ипатьевском доме в такие дни полно смысла. Он должен был почувствовать трепет от грозного предзнаменования.

В это же время, на третий день Пасхи, из Москвы была выслана сестра царицы Элла. Вначале Элли и ее Марфо-Мариинскую обитель новая власть не трогала. И она написала в одном из последних писем: «Очевидно мы еще не достойны мученического венца...» Ее любимая мысль: «Унижение и страдание приближают нас к Богу».

И вот начался ее крестный путь. На Пасху арестованную Элли привезли в Екатеринбург. И она жила в том самом Новотихвинском монастыре, откуда вскоре будут носить еду Царской Семье. Но уже в конце мая Элли сослали дальше – за 140 верст, в маленький городишко Алапаевск. Здесь собрали высланных из Петрограда Романовых: товарища детских игр Ники –

Сергея Михайловича, трех сыновей великого князя Константина, и к ним присоединили сына великого князя Павла – 17-летнего поэта князя Палей.

На Пасху они получили от Эллы подарки. И, конечно, письмо.

Тема мученического венца – главная тема Эллы. Она не могла в эти дни не написать им об этом. Почитаемый Николаем и его отцом Иоанн Кронштадтский говорил в своих проповедях: «Христианин, претерпевающий бедствия или страдания, не должен сомневаться в благодати и мудрости Божьей, и должен угадать, сколь можно, волю Божию, явленную в них... Да принесет каждый человек своего Исаака в жертву Богу...»

«Угадать, сколь можно, волю Божию, явленную в страданиях» – вот о чем он должен был размышлять в эти дни.

И с мыслями этими сомкнулось знаменательное событие, случившееся тогда же.

Из дневника: «6 мая... Дожил до пятидесяти, даже самому странно...»

Не так часто доживали Романовы до 50 лет. Мало жили цари из этой династии. И вот Господь даровал ему этот возраст... Зачем он дарует ему, отвергнутому собственной страной? И в эти же дни – видение только что отошедшей Пасхи, Страстной Недели...

Мученический венец?

Горит земля, пылают города, и брат идет на брата. И творит зло вверенный ему Богом народ. И он сам был при начале зла. Он помог его рождению?

Искупление?... Может быть, вся жизнь для этого? «Угадать, сколь можно, волю Божию!!!»

Медленно, одинаково тянутся дни, и медленное, упорное размышление «тельца»... Или агнца?

А что же Аликс?

Она проводит дни в палевой спальне среди замазанных известью четырех окон – в этом белом тумане – на кресле-каталке, с перевязанной головой (мигрень). Гулять царица выходит очень редко. Она грезит, читает святые книги, вышивает или рисует. И ее маленькие акварели разбросаны по дому.

Как презирает она этих людишек, которые смеют сторожить Помазанников Божьих! Но охранники ее уважают и даже боятся. «Царь – он был простой... И на царя-то он не очень был похож. А Александра Федоровна – строгая дама и как есть чистая царица!» (Так будут рассказывать потом их охранники.)

Она по-прежнему ждет освобождения. «Старец» защитит их, недаром возникло на их пути его село.

И действительно, легионы избавителей уже приближаются. Она знает, что вся Россия в огне. На севере, на юге, на востоке и на западе – Гражданская война.

И в своей переписке с девочками, в полушифрованных письмах в тобольский дом она пишет о «лекарствах, которые крайне необходимо им взять с собой в Екатеринбург». И хотя тобольские друзья умоляют оставить драгоценности в Тобольске в надежных руках и не возить в страшную столицу Красного Урала – она неумолима. Ибо верит – освобождение грядет. И потому драгоценности должны быть с ними.

И вот в Тобольске под руководством Татьяны (вечный «гувернер»!) нянечка Саша Теглева и ее помощница Лиза Эрсберг начинают подготавливать драгоценности к переезду: маскируют их. Драгоценности зашиваются в лифы: два лифа накладываются друг на друга и между ними вшиваются камни.

Бриллианты и жемчуга прячут в пуговицах, зашивают под бархатную подкладку шляп...

Но все драгоценности вывезти не удастся. Часть «романовских сокровищ» оставят в Тобольске у «преданных друзей». И через 15 лет после гибели Семьи они вновь возникнут...

Выписки из документов архива Свердловского ОГПУ (их передал мне загадочный человек, который еще появится в нашей книге под именем «Гость»):

«Материалы по розыску ценностей семьи б[ывшего] царя Николая Романова:

Совершенно секретно... В результате длительного розыска 20.11.1933 в городе Тобольске изъяты ценности царской семьи. Эти ценности во время пребывания царской семьи в Тобольске были переданы камердинером царской семьи Чемодуровым на хранение игуменье Тобольского Ивановского монастыря Дружининой».

Да, того самого монастыря, где они так мечтали жить.

«Дружинина, незадолго до своей смерти, передала их своей помощнице, благочинной Марфе Уженцовой, которая прятала эти ценности в монастыре в колодце, на монастырском кладбище и в ряде других мест».

Но, видимо, после закрытия монастыря, когда выгоняли монахов, стало негде Марфе прятать царские драгоценности. И, чтобы не достались они власти, убившей Царскую Семью, она и решается...

«В 1925-1929 годах М. Уженцова собиралась бросить ценности в реку. Но была отговорена от этого шага бывшим тобольским рыбопромышленником Корниловым, которому и сдала ценности на временное хранение».

Это тот Корнилов, в доме которого жила царская свита.

Но, видимо, то ли посоветовалась с кем-то Марфа о царских драгоценностях, то ли попросту проговорила... Не поняла бывшая благочинная, что наступило новое время и нельзя советоваться с людьми в это время.

«Арестованная 15 октября с. г. Уженцова созналась в хранении царских ценностей и указала место их нахождения. В указанном месте ценностей не оказалось».

Все пыталась она спасти доверенные ей царские бриллианты. Но за нею, видимо, давно уже велась слежка.

«В результате агентурной разработки был арестован Корнилов В.М. Доставленный в Тобольск, Корнилов В.М. показал действительное место хранения ценностей. По указанию Корнилова были изъяты ценности в двух больших стеклянных банках, вставленные в деревянные кадушки. Они были зарыты в подполье дома Корнилова».

Под полом корниловского дома были открыты царские драгоценности. В деле есть и фотография чекистов «с изъятыми драгоценностями». И их описание:

«Всего изъято 154 предмета общей стоимостью 3 270 693 рубля (золотых рубля) 50 копеек. Среди изъятых ценностей имеются:

1. Броши с бриллиантами (100 карат).
2. Три шпильки с бриллиантами в 44 и 36 карат.
3. Полумесяц с бриллиантами в 70 карат. По сведениям этот полумесяц был подарен бывшему царю турецким султаном.
4. Четыре диадемы царицы и др.».

Эта удачная операция откроет настоящую охоту за царскими бриллиантами.

В течение 1932-1933 годов произведены обыски у всех, кто так или иначе был связан с тобольским заточением Романовых.

Видимо, тогда же производились повальные обыски в Ленинграде, о которых писала родственница Елизаветы Эрсберг:

«Нашли и допросили родственников расстрелянного повара Харитонов... Разыскали воспитательницу графини Гендриковой Викторию Владимировну Николаеву...»

Но все безуспешно.

Наконец, отыскивали в маленьком городке Орехово-Зуево вдову расстрелянного полковника Кобылинского. Несчастливая женщина пыталась здесь спрятаться и тихо жила с 14-летним сыном Иннокентием – работала на местном заводе «Карболит». Она и рассказала о шашке

Государя и царских драгоценностях, которые приносил в дом показывать ее муж и которые, по слухам, были спрятаны потом где-то в тайге на заимке (правду говорил капитан Аксюта – были зарыты в тайге царицыны драгоценности и царская шашка!).

Через Кобылинскую ГПУ выходит на след сестры и брата Печекос, у которых в 1918 году жили Кобылинские в Тобольске и которые, по словам Кобылинской, знали о кладе. Сначала арестовали Анелю Печекос. И, видимо, усердно допрашивали. И поняла Печекос, что не выдержит.

«8 июля 1934 года Печекос Анеля Викентьевна умерла в тюрьме, наглотавшись железных предметов».

Арестованный ее брат выбросился из окна, но остался жив.

Видимо, поняв, что эти люди предпочтут умереть, но тайны не раскроют, ГПУ решает выпустить из тюрьмы Печекоса и устанавливает за ним постоянное наблюдение. Это наблюдение велось в течение десятилетий и было снято только после смерти Печекоса.

А поиски все продолжались... Допросили людей, которые знали покойного камердинера Чемодурова. Выяснили, что старик умер в доме буфетчика Григория Солодухина, «который по слухам забрал большие ценности».

Но арестовать Солодухина не смогли: еще в 1920 году непредусмотрительные чекисты расстреляли буфетчика.

Но на новый след наконец напали.

Выяснили, что царица поручила отцу Алексею Васильеву (тому самому, который провозгласил в Тобольске «Многие лета» Царской Семье) «вынести и скрыть чемодан с бриллиантами и золотыми вещами не менее пуда».

И опять неудача: отец Алексей Васильев успел благополучно скончаться в 1930 году.

Допросили его детей. Но они ничего не знали. Надежно спрятал где-то царский чемодан отец Алексей...

Так что, может, и сейчас зарыт где-то в подполе старого тобольского дома чемодан коричневой кожи с царским гербом и пудом романовских драгоценностей. И лежат в сибирской тайге царская шашка и романовские бриллианты...

Но вернемся в Тобольск, в 1918 год...

Где же наш «шпион»? Конечно, в Тобольске, ибо там – драгоценности. Которые должны достаться – «трудовому люду Красного Урала, чьим потом и кровью...».

И там же, в Тобольске, наш старый знакомец – вечный слуга Александр Волков.

Уезжая из Тобольска, Николай обнял своего старого учителя военному делу и наказал: «Береги детей». Непросто исполнить верному слуге царский наказ. Теперь оставшейся в Тобольске Семьей распоряжается Совет и его председатель – бывший кочегар парохода «Александр III», а ныне хозяин города Тобольска Паша Хохряков. Он и готовит исход царских детей, оставшейся свиты и «людей» из Дома Свободы в столицу Красного Урала. Для многих из них – это последний путь.

Внутри дома хозяйничает комиссар Родионов с отрядом красногвардейцев. Впоследствии Саша Теглева говорила белогвардейскому следователю Соколову: «Про Хохрякова не могу сказать ничего плохого, но Родионов – это был злобнейший гад...»

Этого Родионова признала баронесса Буксгевден. Софья Карловна утверждала, что видела его на пограничной с Германией станции Вержболово. Жандарм, как две капли воды похожий на Родионова, проверял у них паспорта.

Кобылинский говорил о Родионове: «В нем чувствовался сразу жандарм... Кроважидный, жестокий жандармский сыщик».

Но оказалось, что оба они отчасти ошиблись.

Из письма Я. Веригина (Тверь):

«Когда-то в молодости, в пятидесятых годах, я жил в Риге на квартире профессора Университета, старого латышского большевика Яна Свикке... У него была удивительная биография. Он был профессиональный революционер, выполнял ответственные партийные поручения, он сумел внедриться даже в царскую тайную полицию... В 1918 году комиссар Ян Свикке под фамилией Родионов был послан в Тобольск, где руководил отрядом, перевозившим царских детей... Он умер в 1976 году в Риге в возрасте девяноста одного года – в полнейшем маразме и одиночестве. Он ходил по городу, нацепив на себя всевозможные значки – они ему казались орденами...»

Но тогда, в 1918 году, жандарм-революционер был молод и усердствовал.

Во время богослужения Родионов-Свикке ставил около престола латышского стрелка. И объяснял: «Следит за священником».

Он обыскивал священника, а заодно и монашек. Ему подозрительно нравилось раздевать их при обыске. И еще он ввел некий странный обычай: великим княжнам не разрешалось запира́ть свои двери на ночь. Даже затворять двери своей спальни царские дочери не имели права:

– Чтоб я каждую минуту мог войти и видеть, что делается. Наш знакомец Волков пытается возражать.

– Да как же так... девушки ведь, – жалко бормочет старик. Они выросли на его глазах, он все ждал – когда замуж выйдут. Все гадал, за каких королей отдадут их. Не дождался старик... И будут спать теперь великие княжны с открытыми по ночам дверями...

– Если не исполнят приказа, у меня есть полномочия: расстреливать на месте, – веселился жандарм-революционер.

Между тем вскрылись реки и начал выздоравливать Алексей. «Маленькому лучше. Но еще лежит. Как будет лучше, поедem к нашим. Ты, душка, поймешь как тяжело. Стало светлее. Но зелени еще нет никакой. Иртыш пошел на Страстной. Летняя погода... Господь с тобой, дорогая». (Это одно из последних писем Ольги из Тобольска.)

На Пасху Тобольскому Совету стало известно, что во время Крестного хода архиепископ Гермоген, предав анафеме большевиков, задумал вместе с прихожанами прийти к губернаторскому дому и освободить Алексея.

Была ли это очередная Игра Совета, чтобы получить повод побыстрее переправить Семью в Екатеринбург? Или действительно пастырь задумал выполнить то, о чем писала вдовствующая императрица? И, как триста лет назад тезка Гермогена мечтал прогнать поляков, нынешний архиепископ возымел мечту прогнать из города большевиков?

Во всяком случае, ЧК позаботилась: во время Крестного хода чекисты смешались с прихожанами. В те дни до всех сроков наступила в Тобольске жара. Солнце палило нещадно, и прихожане – все немолодые люди – постепенно покидали процессию. И, по мере ухода верующих, – все ближе к архиепископу теснились чекисты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.